

Самойлов Давид

11.7.95

Золотая Кассета Дмитрия Сухарева

Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

Вер. клуб. — 1995. — 11 годич. — С. 8.

"Мой вечер в Доме композиторов. Читал хорошо, с большим успехом. Если еще что-то напишется и опубликуется, я достигну громкой славы."

Во втором отделении пели скверные песни на мои стихи.

Хорош один Сергей Никитин".

Меня ж пот прошиб, когда, читая дневниковые записи Давида Самойлова ("Знамя", 1995, № 2), я дошел до этого места. Это как же это так — скверные?! А Самойлов в песнях Виктора Берковского — не хороши, что ли? "Сороковые, роковые", песенка о Шуберте. Наконец, "Воспоминание", одна из самых пленительных вещей Самойлова — Берковского. А я как раз собрался взять ее в "Золотую Касету"!

Потом сравнил даты и успокоился: запись сделана в апреле 76-го года, а песни возникли позже.

Ходным образом нашелся ответ и на мое оостолбенение, вызванное простодушным, мягко говоря, выражением почтения к успеху перед публикой. Да Самойлов ли это?

Но кое-что припомнилось и совместилось. Интимность, с какой добрая половина московских окололитературных барыnek называла своего кумира Дэзиком. ("Нет, Дэзик — так это же чистый Пушкин!"). Готовность, с какой кумир порою оправдывал дамские ожидания:

...И жизнь свою
возненавижу,
И к вам в слезах ладу
на грудь.

Свирепость, с какой отчитал друга бескомпромиссный Слуцкий:

Широко известен в узких кругах,
Как модерн, старомоден,
Крепко держит в слабых руках

Тайны всех своих

тягомотин...

Стихотворение Слуцкого увидело свет в престижном, скандальном и широко обсуждавшемся альманахе "Тарусские страницы" (1961), где по сути впервые напечатался сам

нашел в себе силу разодрать душистые пути — удрал со всеми чадами из Москвы и свил гнездо подальше от дэзиканствующих обожателей. Но на Слуцкого долго держал зуб, кротко огрызался: Слуцкий, мол, вообще не поэт. Завершим картину цитатой из наблюдательного Евтушенко: "В него как в поэта мало кто верил, за исключением красавицы-жены, Бориса Слуцкого и нескольких

ке прошли лучшие годы поэзии Давида Самойлова — теперь уже во всей полноте внутренней и внешней свободы. В Эстонии он и умер. Умер завидным способом, дай Бог всяко: прямо на вечере памяти Бориса Пастернака. Качнулся на сцене, вышел за кулисы — и конец. Было это совсем недавно, в 1990 году.

Поверхностный взгляд выхватывает из поэзии Самойлова элегическое начало. Стихи светлы, легки, прохладны. Строфика куплетна. Бери гитару и пой с фирменной бардовской интонацией — припеванено и чуть философично.

И впрямь трудно найти поэта, который пелся бы бардами столь же много и любовно. На самом деле это редко когда удается. ("Пели скверные песни"). Невостребованными остались самойловские юмор и аналитический ум.

Зато удачи музыкального прочтения — действительно хороши. Взять хоть никитинский исторический цикл — горячие, темпераментные баллады о царе Иване, о Емельке Пугачеве. А поздняя любовная лирика у того же Сергея Никитина!

Тот запах вымытых волос,
Благоуханье свежей кожи.
И поцелуй в глаза, от слез
Соленые, и в губы тоже.
И кучевые облака,
Курчавящиеся над

чащей.

И спящая твоя рука,
И спящий лоб, и локон
спящий.

Повремени, певец разлук!
Мы скоро разойдемся
сами.

Не разлучай уста с устами,
Не разнимай сплетенных рук...

Божественно.

Но сейчас — обещанное
"Вспоминание".

Помню — папа еще
"молодой,

Помню выезд, какие-то
сборы,
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут,
и рессоры.

А в Москве — допотопный
трамвай,
Где прицепом — старинная
конка.

А над Екатерининским —
грай.

Все впечаталось в память
ребенка.

Помню — мама еще
молодая,
Улыбается нашим

соседям.

И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы
едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.

А кругом — купола, купола.
И мы едем, все едем

куда-то.

Звонко цокает кованый
конь

О бульонник в каком-то
проезде.

Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи

созвездий.

Папа молод. И мать
молодая.

Конь горяч, и пролетка
крылаты.

И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем

куда-то.

Самойлов, уже сорокалетний. Смысл этой беспрецедентной выволочки отчасти и такой: хочешь быть дамским угодником — пожалуйста, но не в стихах.

Самойлов, хоть и не сразу,

родственников и близких друзей".

Каков, однако, уровень разборок там, в высших эшелонах Поззии!

В малом эстонском город-

Накануне событий

Пестрый мир

Нерия Бонскому и согласие

308